

Стихи из книги

«ПОКА ЕЩЕ ЛЮБЛЮ»

* * *

И — ненависть в крови — итог тысячелетья.
Век входит в души к нам, как нечестивец в храм.
Промотано дотла богатое наследье:
смятение теней и плесень по углам.

О вере и любви не поминайте всуе.
Каменьями побьют рискнувшего сказать.
Презрение и смех — ответ на поцелуи,
кровавой пеленой застелены глаза.

Безумен этот мир. Безумна и сама я —
тянуться за теплом к сгоревшему углю.
Пока еще люблю. Уже не понимаю.
Пока еще люблю, пока еще люблю...

* * *

Счастья не будет.
Но солнце и звезды надолго.
Травам и листьям до осени хватит тепла.
В горсть соберу
недопрожитой жизни осколки.
Чем я жила?
Для чего я так больно жила?

Ты не поймешь.
Если даже поймешь, не поверишь
в тягу огня
оторваться от прочной земли,
в право души
не предаться единственной вере,
в истинность слов,
что вели меня и завели.

Славный тупик.
Значит, так умирают надежды?
Помню, без них я сама умирала вчера.
Зло подступает
и слева, и справа, но между
тьмы непроглядной
проклюнулся лучик добра.

Видишь, не зря
я о камни сбивала колени,
ногти срывая,
упрямо карабкалась ввысь.
От исступленья
мучительно шла к искупленью.
Счастья не будет.
Но бьется и теплится жизнь.

* * *

Когда мы снова проиграем жизнь,
мы, видимо, подыщем утешенье,
чтоб, не утратив самоуваженья,
и впредь постыдно верить в миражи.

И, отмотав все сроки до конца,
для внуков сэкономим любовь и ласки.
И уж такие им расскажем сказки,
что и не снились дедам и отцам.

* * *

Отец мой отрекался от отца.
В 37-м такое было в норме.
Мать и сестренки, черные с лица,
надеялись: Аркадий их прокормит.

Еще мальчишка, с пухом на губах,
он был в семье единственный мужчина.
Пока семью опального попа
кормила христианская община,

но было очевидно, что не век
продлится эта милость человечья.
Железный ветер убыстрял разбег
и пригибал сердца, умы и плечи.

Да, выбор был. Но по-библейски скуп:
предательство и жизнь — или могила.
И мать сама, не разжимая губ,
спокойно сына вслед перекрестила.

«Переступи, сынок, переступи.
Господь поймет, простит тебя. Иди же.
Переступи, Аркадий. Уступи».
Переступил. И прокормил. И выжил.

* * *

Мой сын играет на гитаре.
Невероятны и странны
в тяжелом роковом угаре
мне звуки старенькой струны.

Сквозь века нового чугунность
сияет старая пора:
моя заброшенная юность,
гитара, песни у костра.

Сигнал подпольного протеста
против тотального вранья —
гитара. Мужество и честность.
Гитара — молодость моя.

Костры лесные догорели
в тиши меж сосен вековых.
Мои бывшие менестрели
давно на пенсии, увы.

Но взор горяч. Но очи кари.
И пробиваются усы.
Мой сын играет на гитаре.
Играет на гитаре сын.

* * *

Соблазн сюжетности судьбы
знаком поэтам и провидцам.
«Совпало так, как если бы, —
в ошеломленье очевидцы, —

поэт предвидел свой конец...»
Конечно, он его предвидел.
Свою судьбу творит творец,
не только за бумагой сидя.
Тут никакой загадки нет,
но невозможно жить иначе,
не подгоняя под ответ
неразрешимую задачу.

* * *

Не приносите жертв,
не стройте алтарей
добрейшим из божеств,
мудрейшим из царей.

Взовьется к небу дым,
но знает божество:
ему мы не простим
пожертвованного.

* * *

Русь плакучая, родина, горе.
По своей несуразной судьбе
Мы несем беспросветную горечь
безответной любви к тебе.

Нам твои воспаленные раны
не оплакать в назначенный час.
Предававшие нас капитаны
научили предательству нас.

И продавши себя, и предавши,
омерзевши от фальши и лжи,
сгоряча мы клянем обещавших
беспробудно счастливую жизнь.

Но, осмелившись жить без указки,
поседев от испытанных бед,
той же самой красивою сказкой
соблазняем идущих вослед.

* * *

Боюсь приверженцев идеи,
которые в борьбе со злом,
своим рассудком не владея,
упрямо лезут напролом.

Летят их пули рикошетом,
от верной цели отклонясь.
Со злом сражаются, при этом
добро затаптывая в грязь.

Страшнее всех стихийных бедствий
маньяком выдуманый бред,
что цель оправдывает средства.
Цель не оправдывает средств!

* * *

Где в трех соснах — отсель досель —
блуждает наше поколение
и безнадежно ищет цель,
причину или искупленье,

где подрастают сыновья
и смотрят строгими глазами,
где мы с упорством муравья
толкаем вверх Сизифов камень, —
там, у начала всех начал,
молчит со скорбной укоризной
мой ужас и моя печаль,
моя любовь, моя Отчизна.

* * *

На гостиничный казенный неуют
исподлобья солнце бросит беглый взгляд.
Птицы крошки с подоконника склюют
и назад к себе на ветки улетят.

Там за окнами — Амур: простор и ширь.
Там заря горит над городом Хэйхэ.
В темном номере печаль моя — Сибирь
в деловых контрактах, водке и грехе.

То ли продана, то ль предана душа,
суть божественная пропита дотла.
На веревке медный крест за три гроша.
Ах, Россия, золотые купола!

Путь-дороженька похмельная во тьму.
С миллионами загинет в нищете.
«Посиди со мной, мне страшно одному».
...Пощади нас, грешных, господи Христе!

* * *

Ни тебе, ни мне не уцелеть.
Наше избавление из плена
возвестит нечищенная медь
траурной мелодией Шопена.
Впрочем, без особенных высот
обойдется жизнь, хотя могла бы...
И на самой горестной из нот
лажанется перепивший лабух.

* * *

Ты знаешь, неважно,
когда и куда мы уйдем:
рассыплемся прахом
иль станем частицей Вселенной,
чего мы достигнем.
А главное — быть откровенным
с друзьями, с собою
и с теплым июльским дождем.
Признаться в ошибках —
достойный и тягостный труд.
«Познайте себя».
Мы — не лучший предмет для познания.
Копаясь в себе,
мы к финалу придем с опозданием.
Нас в царство небесное
вряд ли с тобой позовут.
И все же восславим
бесстрашие смертной души,
отвагу любви и в спасенье безумную веру.

Мы честно старались,
теряясь во тьме и в химерах.
Мы все-таки шли.
И любые пути хороши.

МОЛИТВА

Свете вечерний, надежда моя и опора,
шорох дороги, из мрака ведущей во мрак.
Все предреченное сбудется очень не скоро.
Бывшее — было. Лишь это грядущего знак.
Каждый идет за своей Вифлеемской звездой.
Сколько дорог — ни одна не ведет в Вифлеем.
Горе не сломит, отчаянье силы удвоит,
травы заплачут, но камень останется нем.
Холод и тьма. До земли пригибает усталость.
Долго ли сдаться, загинуть в бесовских сетях?
Путь наш далек. Наше завтра еще не настало,
и беззащитен во чреве Спаситель-дитя.

* * *

Слов в языке недостает.
Сознание отстает от знанья.
И затрудняет пониманье
в неточных терминах разброд.
Пускай науки смотрят вкось,
но нам помочь уже не хочет
любовь — извечный переводчик, —
стремясь к единству, сеет рознь.

Все тоньше нить, слабее связь.
Полчеловечества сквозь вечность
друг другу движется навстречу,
все безнадежней расходясь.

* * *

Как трудно быть самим собой,
жить неприкрыто уязвимым.
Так хочется прикрыться мнимой,
придуманной псевдодушой.
Играть глупца иль мудреца,
как бы щитом, прикрывшись маской, —
под нею не проступит краска
стыдом горящего лица.
Пускай не спрячет от невзгод,
но утаит и боль, и слезы.
И все же, друг мой, бойся позы —
в бараний рог тебя согнет.
Уплатишь пошлину за ложь
своею собственной душою.
Когда захочешь быть собою —
и с мясом маску не сорвешь.

* * *

Непониманье левого и правого,
несовпадение тела и души.
Какою хочешь горькою отравой
в себе свою раздвоенность глуши.
Запутавшись с бесчисленными дублями,
вгоняем дух в языческую тьму.

Поскольку все мы кем-то недолюблены,
то и стремимся, в общем, к одному.
Какому бесу наша суть запродана?
Непрошеными явленные в мир,
обиженные тем, что нам недодано,
за свой изъян квиваемся с людьми.
И горе полюбившим: отчуждением,
надменностью такой, что стынет кровь,
за стыд и муки своего рождения
расплатимся с рискнувшим на любовь.

* * *

И телевизор лжет, и музыка фальшивит.
Последние листья оборваны с деревьев.
А ветер гнет свое и, в яростном порыве
гремя железом крыш, на них срывает гнев.
В такие холода подсесть бы ближе к печи,
закутаться в платок, пригреться у тепла.
Но холоден очаг. И оправдаться нечем.
И жизнь почти прошла. Но не совсем прошла.

НА ЗАРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Еще неясен контур бытия,
Мир бесструктурен, зыбок, полупознан.
Еще в созвездья не собрались звезды,
из сонма «мы» чуть выделилось «я».
Ни логикою не вооружено,
ни прочими подпорками познания,

на ощупь зарожденное сознание
бредет вперед, и все ему темно.
Рассвет рассудка. Поддается мрак
не вдруг, не сразу и пока не в главном.
Но первый предэтический маяк —
что есть добро и зло — уже поставлен.

* * *

Все вернется на свои круги —
и воспрянут старые враги,
и вернутся прежние друзья —
все вернется на круги своя.

Скажешь: поздно. Сломано весло,
и ладью течением снесло,
и размыло памяти причал.
Нет пути к началу всех начал.

Ни о чем ушедшем не жалея.
Ляжет снег вдоль сумрачных аллей.
И душа очнется для любви.
Улыбнись и заново живи.

* * *

Сон, снявшийся к рассвету, был нелеп.
Но всякий раз с завидным постоянством
на кромке утра, в разжиженной мгле
вершилось надо мной его тиранство.
Не рассказать об этом. Снились смерть.
Всегда в метафизическом наряде.

Всегда различно. Этот сон стереть
из памяти мне удавалось за день.
Уборка, стирка, магазин, базар —
круг, чуждый философским идеалам.
Но ночью снова накрывал кошмар
удушливым колючим одеялом.
В последний раз пригрезился забой —
обвал, пожар, мятущиеся лица.
И в этом сне мы встретились с тобой.
И с той поры он больше мне не снится.

* * *

Выпрашивать любовь — что может быть стыдней?
Я знаю, скажешь ты: польщен и благодарен,
но ты меня пойми, я с нею, я о ней...
Ты чаю мне нальешь, сыграешь на гитаре.
О, милостыни чувств мучительная соль!
Ты будешь милосерд, до приторности ласков.
Но мне не по плечу навязанная роль,
тебе же не к лицу натянутая маска.
Не выйдет ни черта из этой доброты.
Я молча уберусь куда-нибудь подальше
и буду меж берез бродить до темноты,
краснея до волос от пережитой фальши.
И буду клясть себя: пора бы стать умней,
держат себя в руках и никого не мучить.
Сорвусь и зареву. А ты поедешь к ней
выпрашивать любовь. Какой банальный случай.

* * *

Паруса октября, хоть и рваны, натянуты туго.
Осень листья осин убирает в свои закрома.
На скамейке холодной присяду в минуту досуга,
буду думать и помнить: учиться тебя понимать.
От несказанных слов,
повторенных в душе не однажды,
перехватит мне горло голодная злая тоска.
Утолить ли слезами души неуемную жажду?
Я не смею тебе ни писать, ни звонить, ни искать.
Ты молчанье мое, несомненно, припишешь капризу.
Ты, конечно, решишь, что все бывшее было зазря.
Тебя в городе нет.
Город пуст и ветрами пронизан.
Надорвавшись, опали в снега паруса октября.

* * *

Огонь свечи вспорхнет от звука,
запляшут тени по углам.
А мне наука, мне наука —
не доверяться зеркалам,
в которых смыто отраженье
моих еще грядущих лет.
Ты — лишь мое воображенье,
но ты реальнее, чем свет,
от фонаря плывущий вяло
(вполне физический процесс).
Зачем я о тебе гадала
на старом мамином кольце?
Зачем затепливала свечи
в ночи, волнуясь и дрожа?

Капкан замкнулся! Нашей встречи
теперь никак не избежать.
Меж нами время и пространство,
идти полжизни, полстраны.
Но ели в свадебном убранстве
в сочельник жгуче-зелены.
Но мне всего лишь девятнадцать,
глаза невинно голубы.
И невозможно убояться
бесстрашно выбранной судьбы.

* * *

Толстый ворон присел на сук.
Сук под ним закачался — слаб.
Хорошо побродить в лесу
среди тяжелых еловых лап.
По сугробам к тропинке — вброд,
разгребая руками снег.
Там меня на опушке ждет
мой единственный человек.
Двадцать лет. Впереди вся жизнь.
Годы счастья. Любовь со мной.
Тонкий куст на ветру дрожит,
весь под коркою ледяной.
Кто ж тогда, в это время, здесь
предсказал бы мне наперед,
что до колышка срубят лес
и вся жизнь наша врозь пройдет?

* * *

Человек, прошедший лишь по краю
и пустивший жизнь мою в распыл,

я сама теперь не очень знаю —

неужели ты и вправду был?

Что я: был? За тыщу километров,

где застыли стрелки на часах,

и сегодня надувает ветром

яхт твоих тугие паруса.

По сей день, когда подступит злая

вязкая тугая тишина,

я за строки книг твоих цепляюсь,

словно за спасательный канат.

* * *

Буду жить и попробую выжить.

Но пощады уже не прошу.

Свет луны, неестественно рыжей,

пограничную чертит межу.

Шелест волн о гранитную крошку.

Ах, куда эта речка бежит?

Полупризрачной лунной дорожкой

на две части расколота жизнь.

Половина — текущее время,

половина — застывшая боль.

Что случилось? Да то, что со всеми:

никогда я не буду с тобой.

Не подыщешь банальнее фразы.

Люди слабые — что мы могли?

Бьется самонадеянный разум,

ищет выход из мертвой петли:

отвести от опасного края,
где луна под обрывом дрожит.
...Люди не от любви умирают.
Умирают от фальши и лжи.

* * *

Помилуй Бог, о чувствах говорить.
Уместно ли среди казенных комнат?
Ты просто дверь мне молча отвори,
и я уйду, и ничего не вспомню.
Я не вернусь ни в памяти, ни в снах
в ноябрьский вечер, вьюгою повитый.
Я ничего за счастье не должна.
И ты не должен. Мы с тобою квиты.
Но почему щемит в душе сквозняк,
зачем надежда сердце надрывает?
А если я ошиблась, все не так.
А вдруг любовь действительно бывает?

* * *

Просто — как сердца стук.
Это бывает так:
всякий малейший звук
сам попадает в такт.
Струны созвучны — тронь,
вслушайся не спеша.
Просто — ладонь в ладонь,
просто — к огню огонь,
просто — к душе душа.

* * *

И где бы мы ни были вместе,
к нам ангел спускался на зов.

Дрожа, замирали на месте
спешащие стрелки часов.

Срываясь от нежности, пело
извечное таинство двух:

душа, претворенная в тело,
и плоть, воплощенная в дух.

* * *

Ты был мне и светом, и тенью,
напарник по тяжким трудам.

Но там, за рекою забвенья,
удастся ли свидеться нам?

Уходят всегда в одиночку,
глухая ложится печать.

И даже единую строчку
оттуда нельзя передать.

Но если отсрочку подарят,
тебя подожду у реки,
по дальней дороге товарищ,
сияющий ангел тоски.

* * *

Как звали истину? Любовь.

Но было истин слишком много.

Одна-единая дорога

терялась среди камней и рвов.

И в тщетном поиске пути

душа наивная терялась,
слабела, сбившись, не решалась
совсем одна вперед идти.
Из мрака подступали к ней
все прегрешенья и пороки,
и выходили лжепророки,
и лгали: истина во мне.
И здесь кончается сюжет.
Любой душе знакомо это:
идет сражение тьмы и света,
и ни за кем победы нет.